

РУССКИЕ КАК МЕНЬШИНСТВО В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Реконфигурация большинства и меньшинства

В большинстве недавних дискуссий, посвященных национальному государству, «этнический» вопрос продолжает занимать центральное место [1, 2]. Социологи и социальные антропологи все более признают тот факт, что этничность связана с созданием идентичности и примордиальной уникальностью групп [3–5]. Группа идентифицирует себя как этническая (или национальная в контексте бывшего Советского Союза), если она присваивает себе определенные эмические черты и культурные практики, которые отличают ее от других [3, 4]. Этничность, определенная в терминах языка, религии, культуры и т.д., приобретает важное значение в условиях современного государства. Озабоченность этническими вопросами до некоторой степени неизбежна для национального государства, так как их решение необходимо для ассимиляции различных социальных групп и «гомогенизации населения» [6]. Существование этнических меньшинств часто становится препятствием для этой интегративной тенденции внутри государства. С каждой новой ступенью развития национальных государств, когда каждое из них пытается определить коллективную идентичность с точки зрения этнического большинства, вопрос о большинстве и меньшинстве выходит на первый план.

Недавняя реконфигурация политической власти по национальным линиям в большей части Евразии снова сфокусировала внимание на этнических проблемах в этом регионе. Несмотря на то, что в большинстве публикаций недавнего прошлого утверждалось, что скачок в образовании «национальных государств» после второй мировой войны разрешил этнические проблемы, недавние события, кажется, доказывают обратное. Национализм остается главной проблемой для новых государств, и становится все более очевидным, что вместо разрешения этнических или национальных перипетий в регионе различные идеи национализма только придали им новую форму [7].

Поскольку все постсоветские государства, включая Россию, сами по себе являются многонациональными, они сталкиваются с проблемой интеграции меньшинств. Россия сталкивается с национальными притязаниями татар, башкир, чеченцев и т.д. Хотя постсоветские государства гетерогенны в этническом отношении, они мыслятся как национальные государства и пытаются способствовать развитию языка, культуры, демографического положения, экономики и политической гегемонии титульной этнической группы. «Национализация» политического пространства в регионе привела к тому, что большое количество людей оказалось вне своей национальной территории или вообще ее лишилось. Это также означает, что вместе с каждым новым этапом формирования национального

государства вопросы о «национальном большинстве» и «национальном меньшинстве» становятся доминирующими.

На протяжении почти всего периода существования СССР западные ученые интересовались различными аспектами игнорирования в Союзе проблемы субнационализма, которая считалась слабым местом советской национальной политики [8–11]. Сейчас мы все более убеждаемся в том, что как и во всех современных государствах, в Советском Союзе постоянно имели место этнические проблемы. Это стало очевидно, когда в последние годы существования советской системы этническое насилие вспыхнуло в Нагорном Карабахе, Азербайджане или даже в Казахстане после смещения первого секретаря Динмухамеда Кунаева, или позднее в Ферганской долине, где в конфликт были втянуты узбеки, киргизы и таджики [12]. Появление осетино-грузинской проблемы, начало осетино-ингушской войны, грузино-абхазский конфликт и внутренний конфликт в Таджикистане — все это постсоветские проявления тех проблем, корни которых уходят в советское прошлое [13].

Советская национальная политика основывалась на предположении о том, что этнические различия являются пережитками прошлого, которые обречены на исчезновение с помощью социально спроектированных программ модернизации. Однако «национально-языковая» основа территориальных делений, основанных на базовой национальности, обеспечивала существование этнического фактора. В некоторых республиках процесс этнической идентификации приобрел собственную движущую силу благодаря объединению идентичностей вокруг основных групп. Выбор одного языка в качестве основы групповой идентификации обеспечивал это самоутверждение, и идентификация возникала вокруг него. Более того, поскольку границы республик основывались на численном преобладании определенной этнической группы, в них с необходимостью должны были существовать меньшинства. В некоторых районах этническое меньшинство могло составлять подавляющее большинство, например, преобладание таджиков в Бухаре и Самарканде в Узбекистане. Эти два города являются также примером двуязычных и неэтнических областей, которые были приписаны советскими политиками к определенной нации. Поддержка этнических движений во имя экономической или политической необходимости также не получила желаемого результата. Фактически этническая напряженность в республиках усиливала чувство обиды, вызванное привилегированным положением русских в этих регионах.

Идентичность в постсоветских государствах конструируется главным образом на основе языка и религии, именно эти два аспекта используются для деления на «мы» и «они». Решение сделать этничность основой национальной идентичности в Центральной Азии было впервые принято русским правительством, а затем расширено и усилено советским режимом, который использовал местные диалекты как средство групповой идентификации. Сегодня это означает не только то, что процесс национального строительства основывается на двух вышеуказанных аспектах, но также и то, что решение, на основе которого многие идентичности были подчинены более крупным титульным национальностям, ставится под сомнение. Даже идентичности, которые образовались в советский период, имеют «текущие границы и состоят из множества элементов» [14]. Положение таджиков особенно показательно. Здесь, внутри широкой категории «таджики» существуют многочисленные языковые и религиозные группы, такие как памирцы, исповедующие

исмаилизм, иличагатайцы — тюркизированные монголы, говорящие по-узбекски, но постепенно переходящие на таджикский. Хотя территория стала основой официальной идентичности, требования горно-бадахшанцев (население Горного Бадахшана, в отличие от Нижнего Бадахшана на южном берегу Амударьи в Афганистане) автономии от Таджикистана свидетельствуют о сложности проблемы. И даже они делятся на группы, такие как рушанцы, бартангцы, ваханцы и т.д.

В центрально-азиатском регионе поиск национальной идентичности всегда происходил на фоне особой и сложной демографической и культурной ситуации. Часто указывали, что в начале советской эпохи ни один из народов Центральной Азии (может быть, кроме татар) не обладал чувством национальной идентичности. Однако это отрицало бы существование многочисленных кратковременных экспериментов, как, например, в Башкирии. Тем не менее, особые центрально-азиатские идентичности выкристаллизовывались в советский период вокруг национальных республик. Усилия, направленные на образование новых государств в постсоветский период, придавали особое значение национальной идентичности. Формирование национальной идентичности в этом регионе отнюдь не проходило безболезненно, так как даже сегодня субнациональные связи очень сильны. Тот факт, что флаг постсоветского Туркменистана имеет пять звезд, каждая из которых символизирует одно из главных племен страны, есть нечто большее, чем странная деталь.

Утверждение этнической идентичности, которое сопровождало современную стадию образования государства, означало насущную политическую необходимость в идентификации «другого». Один из наиболее известных этнических расколов в Центральной Азии — это раскол между русскими и коренным населением. Он происходит одновременно на языковой и религиозной почвах. Все государства имеют значительное русское меньшинство: от 8 — 10% в Таджикистане, Узбекистане и Туркменистане до 22% в Кыргызстане и 38% в Казахстане [15]. В основном русские не являются недавними переселенцами из России. Они приехали в Центральную Азию сначала с волнами иммиграции во времена Российской империи, затем в 1920 — 1930-е гг. в период расширения зон земледелия или позже, во время программы освоения целинных земель при Хрущеве. В большинстве случаев они родились в этих государствах, за исключением Таджикистана.

Сложный вопрос о судьбе советской национальной политики, ее успех и провал, и ее притязания на «решение» национального вопроса создает контекст этой статьи, в которой утверждается, что вопрос о большинстве и меньшинстве часто зависит от рассматриваемых политических единиц и является в сущности изменчивым элементом в процессе образования национального государства. Этнический вопрос имеет геополитические корни, поскольку этнические требования неизбежно связаны с территорией [16, 17]. Когда мы говорим о бывшем Советском Союзе, это приобретает особое значение. Одной из наиболее драматических трансформаций последних лет является изменение статуса около 25 млн этнических русских, которые из группы большинства превратились в меньшинства с неясной идентичностью и неопределенным будущим. Резкий поворот судьбы в корне изменил господствовавшее в бывшем Советском Союзе определение не-русских как меньшинств — теперь русские стали «новыми» меньшинствами в постсоветских государствах.

Поскольку реконфигурации создают «новые» меньшинства и конструируют новое определение идентичности для большинства, в статье будет кратко исследо-

вана проблема развития отношений между русскими и населением Центральной Азии, понятия «национальных меньшинств» («national minorities») и «национализирующих государств» («nationalising states»), а также рассмотрено особое положение Узбекистана как «национализирующего государства» и русских как «нового» меньшинства в Узбекистане. Узбекистан заслуживает более пристального изучения, так как он является центрально-азиатским государством, которое четко определило для себя национальную политику. Мы также рассмотрим точку зрения русских на проблему русских меньшинств в соседних государствах, существование для них «внешненациональной родины» («external national homeland»).

Русские и население Центральной Азии — Казахстан

Попытки русских установить отношения с Центральной Азией восходят к XVI в., когда туда были посланы русские гонцы, чтобы получить привилегии для купцов. Однако взаимный интерес был ограничен, а путешествия слишком сложны, поэтому контакты между Москвой и Центральной Азией оставались единичными. С вступлением на трон Петра I империалистический интерес к этому региону до некоторой степени оживляется. После смерти Петра I этот интерес сосредоточился главным образом на казахских степях, которые постепенно присоединялись после подчинения казахских орд. Русские продолжали попытки установления дипломатических отношений с ханствами Бухары, Коканда и Хивы. К 1847 г., подчинив казахские степи, Москва почувствовала себя достаточно уверенно, чтобы начать продвижение в Центральную Азию. Избегая прямой конфронтации с Бухарой и Хивой, русские приступили к серии операций на границах Коканда. После захвата Ташкента в 1865 г. была создана Туркестанская губерния под юрисдикцией оренбургского генерал-губернатора, которая в дальнейшем трансформировалась в отдельное генерал-губернаторство. В 1884 г. последние очаги сопротивления в Туркестанском оазисе приняли российское правление. В 1886 г. Туркестанское генерал-губернаторство было разделено на три части: Сырдарья, Фергана и Зеравшан. Царское правительство было озабочено двумя проблемами: хлопковый бум и первая широкомасштабная миграция и поселение славян в степях, особенно вдоль Северного Казахстана. Это часто сопровождалось недовольством местного населения, так как лучшие земли были отданы колонистам.

После Октябрьской революции были предприняты сознательные усилия по ассимиляции региона в рамках революционной трансформации. Вначале делались также попытки противостоять великорусскому шовинизму царской власти, хотя впоследствии он был воспринят как меньшее зло, нежели тюркская экспансия. Сегодня, несмотря на многочисленные проекты модернизации, предпринятые за годы советской власти, в основном подчеркиваются негативные последствия высокоцентрализованной системы управления и планирования советских времен.

Возникшее после 1985 г. недовольство в основном было вызвано социальным господством русских ценностей, языка и культуры, навязывавшихся местному населению. Однако остается неоспоримым тот факт, что центрально-азиатские республики не голосовали за выход из Союза. На референдуме Михаила Горбачева в марте 1991 г. большинство проголосовало за необходимость сохранения Союза [12]. Это в большой степени отражает дилемму, которая стоит сегодня перед республи-

ками: с одной стороны, их «национализирующая» позиция требует отстранения русских, а с другой, практические ограничения сдерживают слишком бурную реакцию. Признается также и то, что отношения между местными русскими и этническими центрально-азиатами являются решающими для будущего этого региона, причем не только из-за того, что они отражаются на политических отношениях России с новыми государствами, но и потому, что в большинстве случаев экономическое и техническое знание, которым обладают местные русские, не может быть немедленно заменено с помощью менее квалифицированной рабочей силы Центральной Азии.

Существует несколько «раздражающих» моментов, способных воспламенить отношения между русскими и населением Центральной Азии. Политическое отделение Москвы предоставило удобную возможность для выражения подавленных эмоций и недовольства в центрально-азиатских республиках, где сегодня почти все общественные проблемы возлагаются на русских. Это отразилось в возмущении по поводу состояния Аральского моря, которое так выразилось в стихах:

«Когда Бог любил нас, Он дал нам Амударью. Когда мы перестали любить себя, Он послал нам русских инженеров» [19].

Сегодня становится все более выгодным смотреть на русских как на колонизаторов и чужаков, особенно из-за их нежелания учить языки и традиции этнических центрально-азиатов. Некоторые государства Центральной Азии придают очень большое значение беглости во владении местными языками для всех граждан. Хотя эти декларативные перемены и не сопровождались деятельными правительственными попытками их осуществления, тем не менее язык остается очень острой проблемой. Процент местных русских с рабочим знанием центрально-азиатских языков варьирует от менее чем 1 % в Казахстане до 4,6% в Узбекистане [15]. Возмущение местных русских по языковому вопросу рассматривается местным населением как «отсутствие желания» [20], так как необходимость заставила их однажды выучить русский. Подобное разделение привело к появлению про- и антирусских групп, особенно в Казахстане, где численное превосходство казахов совсем незначительно. Например, в Казахстане такими партиями являются прорусское «Единство» и антирусский «Алаш».

Сильное недовольство вызывает доминирование русских на элитных административных и технических должностях, хотя некоторые ученые, как, например, Нэнси Лабин [21], считают, что мнение западных специалистов о том, что славяне составляли привилегированную элиту, а коренное население было сведено к положению второго класса в своих собственных республиках, не совсем соответствует действительности. Социальные факторы и существование неформальной традиционной структуры могут четко определять индивидуальный выбор рабочего места и экономическое положение — а это данные могут и не обнаруживать. Лабин отмечает, что ситуация на рынке труда, например, есть следствие экономических и социальных факторов, которые, не касаясь вопросов о славянской дискриминации или превосходстве как таковых, изменяют национальные отношения, скрытые в этой ситуации. Со своей стороны, многие местные русские сегодня боятся неблагоприятной этнической реакции, хотя до настоящего времени практически все эпизоды насилия были лишь междоусобицей не-русских этнических групп. Уход русских из Центральной Азии начался уже в 1980-х г., когда начали уезжать в основном молодые образованные русские — это движение пошло навстречу пото-

ку более ранних мигрантов. Результаты исследований подтверждают это цифрами, показывая резкий спад численности населения в деревнях с русским большинством в окрестностях Ташкента [7, 22]. С 1989 г. количество русских, покидающих республики Центральной Азии, резко возросло, в период с 1989 по 1991 г. регион покинуло почти столько же эмигрантов, сколько и за предыдущее десятилетие. «Вынужденные мигранты» могут быть не удовлетворены своим положением в России. Если их число будет расти, они могут, в худшем случае, стать потенциальными избирателями для правых националистов (в стиле Жириновского) и выступать за возможные действия российского правительства против стран Центральной Азии.

Межэтнические отношения в этих государствах связаны не только с демографической, но и с политической ситуацией. Особенно интересна в этом отношении ситуация в Северном Казахстане как в месте наибольшего сосредоточения русских в Центральной Азии. Казахстан интересен также и тем, что первые антирусские выступления в регионе были вызваны смещением первого секретаря казах Динмухамеда Кунаева и заменой его этническим русским Геннадием Колбиным.

Казахстан был местом интенсивного поселения русских с XIX в. По данным переписи 1989 г., казахи составляли 40% населения, что не намного превышало численность русских поселенцев — 38%. Учитывая другие не центрально-азиатские группы, коренное население Казахстана составляет менее 50%. Это разделение между европейским и казахским сообществами имеет и четкое геополитическое выражение. Славяне составляют большинство в северных областях, казахи же доминируют в южных частях страны. Деление на север и юг еще более осложняется измерением город/село, с множеством казахов, живущих в сельской местности на севере, и множеством русских, населяющих южные казахские города. Тем не менее, миграционные процессы, различный уровень рождаемости и продолжительное влияние различных факторов на репродуктивное поведение населения привело к пропорциональному росту некоторых этнических групп и сокращению других почти в обратном соотношении (табл. 1, 2). Подавляющее большинство эмигрантов (91,6%) выбирает Российскую Федерацию в качестве нового места жительства, Украину выбрали лишь 3% [18].

Тот факт, что в советский период множество казахов либо погибло, либо было насильственно выслано, вызывает сегодня чувство исторической несправедливости. Оно может легко привести к националистическому самовозвеличанию с антирусским оттенком. Алма-атинская информационная пропаганда все чаще представляет русских как агрессоров [23]. Сегодня у казахов, разбросанных по Азии и Европе, также возникает стремление к объединению на своей родине. В 1992 г. более 60 000 казахов из Монголии и СНГ мигрировали в Казахстан, где практически все они смогли найти работу и получили участки земли и материал для строительства домов. Кроме того, Казахстан предоставляет всем казахам, живущим за пределами родины, право на двойное гражданство — право, которое не предоставляется более ни одной этнической группе [24].

Эти стремления казахов, отражающиеся в некоторых положениях казахской конституции, привели к тому, что другие этнические группы, в особенности русские, заняли оборонительную позицию. Русские национализирующие группы недавно приобрели популярность, утверждая свои исторические притязания на Северный Казахстан. Даже весьма умеренных все более и более отчуждают такие акции, как переименование русских городов и улиц, принижение русской культу-

ры по сравнению с казахской и наиболее эмоционально — утверждение казахского языка в качестве государственного. Поскольку только 1 % русскоязычного населения свободно владеет казахским языком, это явно выглядит как дискриминационная политика. Дискриминация была отмечена также и в других сферах, таких как жилищная политика и трудоустройство. Наиболее открытое проявление недовольства славян, равносильное русскому ирредентизму, произошло в северном городе Усть-Каменогорске в декабре 1992 г. на почве требований о придании рус-

Таблица 1. Национальная структура населения Казахстана

Национальности	Население, % от общего числа		
	Перепись 1989 г.	1 января 1994 г.	1 января 1995 г.
Казахи	39,7	44,3	46,0
Русские	37,8	35,8	34,8
Немцы	5,8	3,6	3,1
Украинцы	5,4	5,1	4,9
Узбеки	2,0	2,2	2,3
Татары	2,0	2,0	1,9
Белорусы	1,1	1,1	1,0

Таблица 2. Динамика миграции в Казахстане

Годы	На 1000 жителей			Эмигранты на 1000 вновь прибывших
	Число въезжающих в республику	Число выезжающих из республики	Отрицательный баланс миграции	
Все национальности				
1993	6,59	19,74	13,15	2,995
1994	4,21	28,73	24,52	6,824
Русские				
1993	7,5	27,87	20,27	3,672
1994	5,29	47,94	42,66	9,062
Немцы				
1993	6,24	134,69	128,45	21,585
1994	4,98	165,18	160,20	33,169
Украинцы				
1993	7,73	26,88	19,14	3,477
1994	5,45	43,99	38,54	8,072

скому языку государственного статуса наряду с казахским. Массовые митинги были организованы также в Петропавловске в поддержку свободной экономической зоны с Россией и за введение русского как второго государственного языка [25].

Хотя этнические разногласия могут стать потенциальным источником конфликта, у обеих сторон есть веские основания для его сдерживания. Казахи понимают, что демографическое положение не на их стороне. В Москве существует прагматическая приверженность российско-казахским отношениям, так как враждебность может послужить катализатором для ухудшения отношений с тюрками Центральной Азии, многие из которых живут на территории Российской Федерации. Любой геополитический анализ не должен забывать того, что Москве не выгодны конфликты с господствующей этнической национальностью, на территории которой размещены ядерные арсеналы и байконурский космодром.

На основе этой взаимной этнической сдержанности президент Нурсултан Назарбаев смог проводить политику, которая в общем удовлетворяет как казахскоговорящее, так и русскоговорящее сообщество. Подтверждение этому можно найти в некоторых положениях конституции, принятой в 1993 г. Компромисс по вопросу о языке был достигнут приданием казахскому статусу государственного языка, а русскому — статуса языка межэтнического общения. Назарбаев смог также блокировать националистическое требование, согласно которому президент должен быть этническим казахом. В конституции осталось только положение о том, что президент должен свободно владеть казахским языком. Компромисс был достигнут также и по вопросу о двойном гражданстве — оно предоставлялось при условии, если другое государство в свою очередь предоставит это право казахским гражданам. Наконец, беспокойство казахов по поводу русского сепаратизма было в значительной степени рассеяно определением казахского государства как унитарного [24]. Даже заявление Назарбаева о том, что руководство республики стремится возродить малоиспользуемый казахский язык, звучит вполне обоснованно [26].

Русскому исходу из Кыргызстана способствовал дискриминационный закон о земле, принятый в апреле 1991 г., который устанавливал, что «земля в республике Кыргызстан является собственностью киргизов». И только после многочисленных попыток президенту Аскару Акаеву удалось изменить формулировку: «земля принадлежит народу Кыргызстана» [27]. Тем не менее, закон о гражданстве исключал двойное гражданство.

Гражданская война в Таджикистане стала причиной массовой эмиграции русского населения. Вовлечение в войну российской армии не только привело к потерям, но и вызвало опасения в определенных кругах по поводу увеличения влияния России в регионе. К тому же российская поддержка одной из конфликтующих сторон также является возможным источником напряженности. С другой стороны, в России существует опасение по поводу судьбы российских войск, охраняющих границу Таджикистана с истерзанным войной Афганистаном. Сообщения о возрастающем насилии, направленном против войск, — главная причина опасений [23].

«Внешненациональные родины» — национализм и транснационализм

В последующем изложении на материале Узбекистана и русских в Узбекистане и России мы рассмотрим понятия «национальные меньшинства», «национали-

зирующие государства» и «внешненациональные родины», которые группируются вокруг концепций национализма и транснационализма. Как пишет К. А. Макартни, «почти в каждом аспекте социального существования можно обнаружить большинство и меньшинство... практически каждое государство мира заключает в себе меньшинства. До тех пор пока государство ограничивается строго политическими функциями, чтобы одинаково служить всем входящим в него нациям, невозможно говорить о «национальном меньшинстве» в собственном смысле этого слова. Меньшинство только тогда становится «национальным меньшинством», когда его национальные притязания вступают в конфликт с национальными притязаниями государства» [28]. Таким образом, понятия большинства и меньшинства очень различны. Сегодня можно по-разному представить себе, что означает быть русским в Узбекистане. Русских в Узбекистане можно считать людьми, имеющими русское этническое происхождение, большинство из которых говорит на русском языке как на родном, но принадлежит, тем не менее, к узбекской нации, понимаемой как политико-территориальная или гражданская нация, как нация для всех граждан независимо от языка и этничности, а не как нация узбеков для узбеков. Если бы у русских в Узбекистане преобладало это самоопределение, то русского «национального меньшинства» вообще не существовало бы. Наверное, существовали бы люди, имеющие русское происхождение и говорящие на русском как на родном языке, но они не претендовали бы на то, чтобы иметь русскую национальность или стать частью русской нации. Но, к сожалению, это не преобладающая точка зрения, особенно в отношении политики «национализирующего» государства.

Вопрос «национальных меньшинств» должен рассматриваться, главным образом, на фоне государства, которое определяет их как таковые. Государства, о которых идет речь, этнически гетерогенны, но они тем не менее пытаются определить себя как национальные государства. Они конструируют не только свое настоящее, но и переопределяют свое прошлое [29]. Чтобы подчеркнуть динамику их политического состояния, Брубейкер определяет эти государства как «национализирующие». Здесь важно подчеркнуть то, что государство еще не является «национализирующим», если его представители, создатели или деятели мыслят или определяют его как таковое, но скорее является им тогда, когда оно воспринимается в этом качестве «национальным меньшинством» [30].

Брубейкер поясняет разнообразие национализирующих установок на примере вопроса о языке. Властные элиты в постсоветских государствах считают необходимым и желательным поддерживать язык нации, которая дала название государству. Эту национализирующую позицию разделяют все государства, однако существуют различные точки зрения на то, как она должна проводиться в жизнь. Должно ли знание национального языка быть обязательным для получения гражданства? Как бороться с последствиями языковой русификации и способствовать развитию национального языка, когда значительная доля местного населения им не владеет, как, например, в Казахстане? При каких обстоятельствах будет разрешено или станет необходимым использование других языков в общественной жизни? Какое сочетание стимулов и правительственных мер необходимо для развития национального языка?

Эти положения уместны при исследовании ситуации в республиках Центральной Азии. Однако, как подчеркивает Кирас Гарабаги, ситуация в этих республиках еще сложнее: «Определить идеологическую доктрину в Центральной Азии на уров-

не регионов, государства или национальных обществ непросто. Правящие элиты на всей территории Центральной Азии стремились найти какую-либо форму идеологической идентификации, для того чтобы добиться легитимности в рамках их политической юрисдикции.... Из-за проблематики, касающейся легитимности режима, с одной стороны, и отсутствия исторических прецедентов государственности, с другой, правящие элиты всех центрально-азиатских государств в разное время и в различной степени поощряли внутренний национализм» [31].

Ни одна из центрально-азиатских республик не существовала ранее как независимое национальное государство и, если не считать тех лет, когда они были частью советской системы, у них вообще отсутствует история суверенного существования. Это означает также отсутствие национальной сплоченности и необходимость создания новой идентичности. Создание идентичности и облечение ее в политические формы оказалось проблематичным, так как регион всегда был неопределенной массой с множеством соперничающих идентичностей. В сущности, эти государства — «новые» нации, и неудивительно, что сейчас там идет интенсивный поиск культурных и исторических корней.

Каждое центрально-азиатское правительство пытается восстановить забытое «национальное» наследие, включая историю, культуру, язык и политическую идентичность. Сегодня заново открывается история узбекской нации. «Прогрессивные» достижения советизации Центральной Азии на основе предшествующих русских территориальных приобретений подвергаются сомнению; также предлагается вернуться к досоветскому названию региона — «Туркестан» [32]. Идет переписывание «национальных» историй: так, Тамерлан советской эпохи был переименован в «Амир»-Тимура и признан узбеками как тюрк [33]. Возрождается интерес к устным историческим традициям прошлого, — эпические поэмы, такие как Алпамыш, признаются частью национальной политики. Обращение к досоветскому прошлому, нашедшее отражение в современном националистическом дискурсе, может означать усиливающуюся тенденцию к отвержению всего, что связано с советской эпохой. Поиск связи с неиспорченным досоветским прошлым подразумевает все более критический взгляд на порочность проектов советской эпохи. Для сегодняшнего дня также характерно чувство утраты исторической памяти. Все это осложняет проблему построения государства — задачу тем более непростую, что строить «социальные институты приходится на пустом месте» [13]. Президент Нурсултан Назарбаев высказался по этому поводу так: «Нелегко было приступить к созданию нашей собственной государственности, учиться жить самостоятельно» [34].

Как и другие постсоветские государства, Узбекистан в настоящее время вовлечен в национализирующую программу, в дело создания «национальной идентичности». Сегодняшний день изобилует символами национализма — «новые флаги, новые валюты и самолеты Аэрофлота, перекрашенные в кричащие цвета новых национальных авиалиний. Все это говорит о согласованной попытке утверждения национальной идентичности» [35]. Но все же у жителей Узбекистана остается чувство неловкости по поводу недавно приобретенных «национализма» и «национальной идентичности». В ситуации этой неуверенности постоянно подчеркивается узбекский характер нации, особенно в официальной политической риторике. «... Отличительная черта Узбекистана — это его своеобразная этническая структура. Хотя представители более чем 100 наций и этнических групп живут на территории

республики, большая часть населения — узбеки» [36]. Также существует попытка представить узбекскую республику как родину всех узбеков. «...С тех пор как территория Узбекистана стала единственным оплотом узбекской национальной государственности, республика призвана стать культурным и духовным центром всех узбеков, независимо от места их проживания. Гражданство в республике предоставляется всем узбекам, кто сам или чьи предки были вынуждены эмигрировать из Узбекистана во время трагических событий в прошлом» [36].

Национализирующая позиция президента Ислама Каримова, возможно, была вызвана необходимостью нейтрализовать национальный характер оппозиционной платформы. Пропаганда «титульного этнонационализма» основана на факте существования древней узбекской нации, к которой якобы принадлежит коренное население Узбекистана, и, следовательно, на том, что узбеки живут на территории своего национального государства.

Независимые государства существуют около 6 лет — они были легитимированы для определенных этнокультурных наций, были приняты конституции, завершены политические и экономические трансформации, введены новые валюты [12]. Процесс построения национального государства тесно переплетен с построением государственных институтов, которые позволят правящим элитам осуществлять контроль над обществом [7]. В Узбекистане государство часто совпадает с традиционными народными институтами на низших уровнях государственного управления.

Особое значение придается созданию «национальной культуры» — тому, чем не может пренебречь ни одно государство в начале своего становления. Отсюда проистекает озабоченность президента Ислама Каримова культурным наследием узбекского народа и дальнейшим развитием узбекского языка как выражения национальной культурной и этнической идентичности вместе с полным признанием его статуса как статуса официального языка Узбекистана [36]. Вопрос о языке остается самой важной и самой символической проблемой для узбекской интеллигенции. Большинство русских в Узбекистане считает, что государственным языком должно быть два, — не только узбекский, но и русский. Сегодня языковой вопрос обсуждается как в национальном законодательстве, так и в повседневной жизни узбекских граждан. Законодательный акт, озаглавленный «Закон Узбекской Советской Социалистической Республики о языках», был предложен в 1989 г. Этот закон призывал к продолжению двуязычного использования узбекского и русского языков как официальных. Однако он не был хорошо воспринят, и по этому вопросу возник целый ряд возражений, включая несогласие недавно сформированной платформы Бирлик. Хотя теперь официальным языком стал только узбекский, другие языковые проблемы остаются, например, проблема письменности. Вообще же лингвистический и религиозный аспекты могут оказать решающее влияние на процесс национального строительства в Узбекистане.

С другой стороны, утверждения, касающиеся этнических прав, выражены гораздо более пространно. «Узбекистан — это государство, которое обеспечивает права и свободы всех граждан, независимо от их этнического происхождения, вероисповедания, социального статуса или политических убеждений» или «защиту интересов и прав этнических меньшинств путем создания гарантий сохранения и развития их культур, языка, национальных обычаев и традиций и участия в деятельности правительства, равно как и в общественной жизни» [36]. Эти общие утверждения удачно скрывают существование каких-либо этнических проблем.*

Грандиозная попытка политизации пространства стала следствием русификации посредством советизации и результатом образования национализирующего государства в Узбекистане. Это означает, что большое число этнических русских, рожденных в Узбекистане, столкнулись с трагедией, которая, пожалуй, лучше всего выразилась в словах Наташи, школьной учительницы, встреченной автором в Самарканде: «О возвращении в Россию для меня не может быть и речи. Я там никогда не жила. Я родилась и выросла в Самарканде, и мои родители большую часть жизни прожили здесь. Я люблю это место, и вся моя жизнь здесь. Я не мечтаю уехать в Россию. Я почти ничего не знаю о ней. Я ненавижу Москву и думаю, что люди там очень агрессивные. Я оказалась между двумя культурами. Жизнь здесь идет медленнее и приятнее. Есть анекдот, который показывает различие между узбеками и русскими. Два узбека узнали, что у их друга украли машину и решили скинуться и купить ему новую. Два русских узнали, что их друг купил машину и говорят: «Отлично, давай ее угоним». На нас все больше и больше смотрят как на чужаков, и я думаю, что мы скоро услышим крики: «Русские, убирайтесь». Национализм неотделим от ислама, и мы боимся, что когда национализм распространится, исламистские настроения тоже усилятся».

С распадом Советского Союза этническая идентичность русских и их взгляд на этнические отношения резко изменились. Согласно Леокадии Дробижевой, на это оказали влияние три фактора: 1) потрясение от потери статуса правящей нации; 2) политическая борьба, в которой ведущие группы хотят опираться на этнический патриотизм; 3) резкий подъем этнической конкуренции в социальной сфере и сфере труда [38]. Несмотря на то, что русские потеряли свой господствующий статус в 1988 — 1989 гг. и втянулись в политическую борьбу только в последние несколько лет, этническая конкуренция начала ощущаться значительно раньше. Внезапное прекращение русского господства означает, что теперь русские вынуждены задумываться о своей идентичности, которая раньше принималась как само собой разумеющееся. Опрос, проведенный среди 1005 этнических русских в ноябре—декабре 1990 г. на тему «Хотят ли русские бежать?», опубликованный в «Московских новостях» (№4, 27 января 1991 г.) четко отразил этнические настроения русских в советских приграничных государствах. Он показал, что в Центральной Азии (за исключением Казахстана) более трети этнических русских хотели бы уехать в Россию. Это наводит на мысль о том, что несмотря на социальные издержки переселения, стремление к иммиграции имеет сильный стимул [39].

Дробижева ярко описывает драматическое превращение русских в «новые меньшинства»: «...Для русских в Узбекистане потеря правящего статуса с образованием СНГ была совершенно неожиданной. 8 декабря 1991 г. они проснулись в другом государстве. Потрясение было тяжелым, поскольку принятая совсем недавно, осенью 1991 г., Декларация независимости Узбекистана не рассматривалась как отречение от Союза или как событие, лично касающееся кого бы то ни было [38].

В то время как на официальном уровне, казалось, ничего не изменилось и публично почти не высказывалось требований об устранении русских, антицентристские движения и настроения были нацелены на русских. Поиск независимого пути

* Ср. с отчетом Каримова о государственной политике [37]: «У нас нет этнической напряженности и нет никаких неразрешимых противоречий».

развития также означал и рост недовольства заступничеством Москвы за русских. В этом отношении интересен комментарий журналиста ташкентского радио («Машал»): «...В основе российского руководства лежит идея о том, что если кто-то обидит русских за пределами России, то всегда найдется добрый дядя, который их защитит. Но почему же Россия выражает ее с угрозами? По-моему, это должно быть внутренним делом любого государства, пытающегося поддержать свой авторитет в мире. И в этом случае нужно защищать не только интересы этнических русских, но также и интересы других этнических меньшинств» [40].

Чувство недовольства не осталось незамеченным для русских. Дробижеева пишет: «Во время интервью один из лидеров национальной политики советской системы сказал, что узбеки знали о том, что невозможно обойтись без людей, принадлежащих к другим национальностям, что необходимо поддерживать корейцев, которые выращивают рис, евреев-врачей, армян-строителей. Но на том все и завершилось» [38].

Этнические установки русских в Центральной Азии сегодня «сложные и напряженные», так как в экономической и политической сферах не произошло заметных перемен, а лидеры советской эпохи лишь изменили позиции, чтобы удержать власть. Однако остается тот факт, что 36% занятых в тяжелой промышленности — русские. Русские образовательные стандарты выше, чем узбекские, и значительная часть русских — 48% — квалифицированные специалисты. Результаты репрезентативных кросскультурных исследований, проведенных в 1970–1971, 1980–1981, 1988 и 1991 гг. показали, что если раньше большинство русских были удовлетворены своей работой и смотрели на свою жизнь оптимистически, то теперь они так не считают. Также сегодня большой процент населения полагает, что работать в этнически смешанных группах сложно. Около 70% выступают против смешанных браков, это в два раза больше, чем десять лет назад. К концу 1991 г. 80–90% русских в Ташкенте почувствовали ухудшение этнических отношений, а 70–80% ожидали дальнейших проблем. Они также опасались подъема ислама и были напуганы этническими конфликтами в Фергане, Намангане и Оше. У русских в Узбекистане нет какой-либо значительной социальной организации, кроме Русского культурного центра в Ташкенте [38]. По словам русского социолога, «они пьют там чай и танцуют. Это в известной степени народное творчество. Однако они предоставляют юридическую помощь эмигрантам». Несмотря на это, среди русских культурная адаптация которых никогда не была высока, растет этническое самосознание. То, что ассимиляция этнических русских слаба, показало исследование, проведенное в январе–феврале 1992 г. — в нем были изучены ответы детей русских, давно живущих в Ташкенте, и детей узбеков [41]. Селеберстова показала, что в своих ответах дети руководствовались этническими характеристиками. Это было интерпретировано как знак культурной дистанции между двумя группами. С другой стороны, несмотря на присутствие значительного славянского и других меньшинств в государстве, узбеки не смогли назвать даже несколько присутствующих этим меньшинствам социальных традиций [42].

В этом контексте географически отдаленные районы становятся единым сообществом благодаря постоянной циркуляции людей, товаров, денег и информации. По моим собственным наблюдениям, русские Центральной Азии поддерживают взаимоотношения с русскими в других постсоветских государствах. Особенно это характерно для недавно переселившихся членов семей, которые активно поддер-

живают контакты с местностью, откуда они родом. Стремление людей перемещаться между местом своего происхождения и определенным местом миграции и посредством этого устанавливать связи между ними общеизвестно. Однако увеличение доступа к телефонной связи, электронной банковской системе, видеомагнитофонам, факсам и компьютерам повлекло за собой значительные перемены, вперые делая возможным для мигрантов более или менее одновременные действия вне зависимости от их местожительства.

Принимая это во внимание, можно говорить о новом типе населения в Центральной Азии, состоящем из людей, чьи социальные сети и стили жизни включают одновременно общества отдающие и общества принимающие. Их жизни пересекают национальные границы и объединяют два или более обществ в единое транснациональное социальное поле [43, р. 4]. По определению Г. Шиллера и др., они являются трансмигрантами: «Трансмигранты развивают и поддерживают многочисленные отношения — семейные, экономические, социальные, организационные, религиозные и политические — отношения, которые соединяют границы. Трансмигранты действуют, принимают решения и создают идентичности внутри социальных сетей, которые связывают их с двумя или более обществами одновременно [43, р. 2]. Согласно этому определению, многие русские и их родственники являются трансмигрантами и преодолевают свое непосредственное окружение. Они не перемещаются между двумя связанными и разделенными мирами, но, будучи в разных местах, находятся в едином транслокальном сообществе. Теперь русские и их культура не привязаны больше к какому-то одному географическому месту, но их сообщество воссоздается транснационально. В этом процессе место миграции, а также родное сообщество не являются статичными. Вместо этого, все теснее сближаясь с годами, они оба трансформируются.

Здесь возникает вопрос о том, как связываются жизненные миры мигрантов и тех, кто остался на родине. В связи с этим нужно учесть стремительное развитие современных коммуникационных технологий, транспортной системы и телерадиовещания и проследить, как с их помощью люди в своей стране и в странах «ближнего зарубежья» (обычное выражение в России, однако редко используемое в Центральной Азии) действуют в едином транснациональном и транслокальном сообществе. Согласно множеству центрально-азиатских респондентов — это аналог советского образа жизни, который становится все более политизированным и инструментализированным. Также прослеживаются постоянные попытки России (с ее рассеянным населением) и мигрантов создать детерриториализированное национальное государство, включающее в себя население диаспоры [44, р. 52].

По словам Брубейкера, существуют тройственные отношения между «национальными меньшинствами», «национализирующим государством» и «внешненациональной родиной» в восприятии рассматриваемого меньшинства. В нашем случае «внешненациональной родиной» является Россия. Родина — это не обязательно то место, где когда-то жили представители меньшинства или их предки. «Родина» — это политическая категория. Государство становится внешненациональной родиной для своей диаспоры, когда ее представители заявляют, что в некотором смысле принадлежат к этому государству и требуют, чтобы оно защищало их интересы. Как отмечает Брубейкер, «...общей для установки на внешненациональную родину является аксиома сохранения национальности вне зависимости от государственных границ и гражданства, а также представление о том, что эта общая национальность делает государство ответственным не только за своих гражд-

дан, но и за людей, имеющих ту же этническую национальность, но проживающих в других государствах и имеющих другое гражданство...» [30].

Для правительства Ельцина проблема русской диаспоры за пределами России постепенно приобрела значение с 1993 г. и, похоже, оказывает влияние на отношение России с этими государствами. В 1992 г. по политическим и экономическим причинам правительство Ельцина практически не проявляло интереса к Центральной Азии. В течение следующего периода (почти весь 1993 г.) Россия берет на себя главную роль в СНГ и решает включить республики Центральной Азии в его состав. Третий период начался в конце 1993 г., когда политический курс России зависел в основном от ее внутренних проблем [45].

Три конкурирующие между собой направления внешней политики появились в начале 1992 г. Вестернизаторы или приверженцы Евроатлантического союза хотели, чтобы Россия не только считалась частью Запада, но и поступала соответственно, т.е. как «цивилизованная» держава. Козырев, бывший министр иностранных дел России, был ярким представителем этих взглядов и выступал против имперской идеологии России. Государственники утверждали, что Россия должна быть более настойчива в деле поддержания своих уникальных исторических и географических интересов. Радикальные националисты хотели возврата Великой России, что часто совпадало со стремлением коммунистов воссоздать Советский Союз. Избирательная платформа, предложенная Либерально-демократической партией Жириновского, активно выступала в защиту гражданских прав русскоязычного населения, проживающего за пределами России. Такая позиция вызвала резкую критику в Казахстане и Узбекистане как ставящая под сомнение само существование республик. Российская политика по отношению к Центральной Азии обнаруживает стремление сочетать утверждение российского государственного интереса с попыткой сохранения гражданского характера международно признанных норм поведения. Как бы то ни было, российская национальная политика всячески способствовала тому, чтобы русские в Центральной Азии считали Россию своей «внешненациональной родиной».

Однако отношение к судьбе русского населения в Центральной Азии изменилось. Если раньше лучшей считалась политика невмешательства, то в декабре 1993 г. положение вещей стало иным. Козырев направился с особой миссией в эти государства, чтобы способствовать принятию двойного гражданства и других статусных привилегий. Тем не менее, следует четко отличать эти попытки от оппозиционной программы «Союза возрождения России», который стремится представить русскую диаспору в качестве главного реинтеграционного фактора в процессе возрождения исторической русской государственности. В противоположность этому Козырев предложил конструктивные меры по обеспечению гражданских и человеческих прав всех меньшинств, живущих на территории бывшего СССР, и признал, что интересы русских ближнего зарубежья можно соблюсти, только если будут соблюдены права других меньшинств.* Современная политическая риторика оперирует понятием преданности «глубоким историческим корням»** этих отношений и необходимости их сохранения. Это мнение разделяют и такие лидеры, как Назарбаев***.

С другой стороны, существует широкая программа действий по защите прав русской диаспоры не только с помощью финансирования русского образования и культуры, но также и путем строгих ограничений на экспорт российской энергии

и сырья в республики, которые нарушают права этнических русских. Также были предприняты попытки решить спорный вопрос о двойном гражданстве: предлагалось создать категорию «постоянных жителей», которые обладали бы, за некоторым исключением, такими же правами, что и граждане республики, и не испытывали ограничений, налагаемых на иностранцев. Вопрос о двойном гражданстве является особенно деликатным для всех государств Центральной Азии, которые, за исключением Туркменистана, отказали русским в этом праве [49, 50]. В некоторых случаях компромиссы были достигнуты благодаря подписанию ряда соглашений — например, соглашение между Ташкентом и Москвой, согласно которому те, кто желает получить российское гражданство, должны будут отказаться от узбекского и получить его в посольстве России. По моим наблюдениям, русские знают общую политику российских посольств, выписывающих российские паспорта, а сведения об изменениях в политике быстро распространяются среди русскоязычного населения.

Кроме того, беспокойство за «соотечественников», потерявших свое гражданство по не зависящим от них обстоятельствам, четко прослеживается в московских публикациях. Важной проблемой видится дилемма, которая стоит перед ними: либо вернуться в Россию, где их будут считать «иностранцами», либо принять местное гражданство. Обсуждаются также и возможные альтернативы двойному гражданству, как, например, разрешение сохранять российское гражданство в «замороженном» состоянии [51].

Сейчас русские в постсоветских государствах чувствуют себя «обманутыми» народом того государства, которое они до настоящего времени считали своим домом, и все больше ожидают помощи от России. «Где ты, русская звезда? Или ты в тумане скрыта? Обмани мои глаза и гори вовек открыто» [52]. В этом стихотворении ясно выражено сильное желание русских «ближнего зарубежья», чтобы Россия вмешивалась и защищала их интересы, так как новая реальность несет в себе не только проблемы, связанные со вторым гражданством, но и такие, например, как проблемы смешанных браков. Русские женщины, оказавшиеся после замужества в семьях этнических центрально-азиатов, ощущают себя в них иностранками. Одна русская женщина, бывшая замужем за узбеком, так комментирует эту ситуацию: «Семья моего мужа заставила меня подать на развод, потому что я русская, а он узбек. Хотя у нас есть дочь. Они угрожали мне и моему сыну от предыдущего брака».

Трудное положение русских в постсоветских государствах вызывает эмоциональную реакцию, которую можно еще раз проиллюстрировать письмом к редактору «Московских новостей», в котором говорится: «Все территории и регионы, где русские численно преобладают над местным населением, должны быть неотъемлемой и неделимой частью России» [53].

Национальные и этнические разногласия, распространенные на всей территории бывшего Советского Союза, ставят под сомнение советские утверждения об уникальной однородной сущности, называемой «советский человек», живущей в

* См. «Козырев подводит итоги внешней политики Ельцина» [46].

** Министр иностранных дел А. Козырев во время краткого визита в Кыргызстан [47].

*** Президент Назарбаев во время предвыборного обращения охарактеризовал отношения между Россией и Казахстаном как совершенно особые [48].

едином национальном государстве — Советский Союз. Современные дискуссии о судьбе многочисленных меньшинств находятся в резком контрасте с отказом советской эпохи признавать какие бы то ни было «меньшинства». Реальность оказывается иной. Новые группы «меньшинства» и «большинства» поставили одну из самых острых проблем для руководства этих государств, которому приходится уравновешивать притязания «национальных меньшинств» и их стремление к большей автономии, с одной стороны, и интересы государства, с другой. Проекты «национализации» новых государств не могут осуществляться изолированно; они должны принимать во внимание как «национальные меньшинства», так и «внешненациональную родину» — Россию, поскольку и Россия, и меньшинства будут очень пристально следить за осуществлением этих проектов. Государства останутся, и как национализирующие государства они будут продолжать создавать «большинство» и «меньшинство» — явление, которое будет способствовать процессу национализации, одновременно бросая вызов решению национальной проблемы.

Перевод с английского А. В. Тавровского

Литература

1. Glazer N., Moynihan D. Ethnicity: Theory and Experience. Cambridge: Harvard University Press, 1975.
2. Smith A. The Ethnic Revival. Cambridge University Press, 1981.
3. Schlee G. Identities on the Move. Manchester: Manchester University Press, 1989.
4. Schlee G. Cross-cutting ties, Grenzen, Raub und Krieg. Bielefeld, FSP Entwicklungssoziologie, Arbeitspapier Nr. 203, 1994.
5. Cohen A. Variables in Ethnicity // Ethnic Change / Ed. by C. Keyes. Seattle University of Washington Press, 1981.
6. The Formation of National States in Western Europe. Ed. by C. Tilly. Princeton: Princeton University Press, 1975.
7. Eckert J. Das unabhängige Usbekistan: Auf dem Weg von Marx zu Timur // Berliner Studien zur internationalen Politik Bd. 1. Münster: LIT, 1996.
8. The Nationality Question in Soviet Central Asia. Ed. by E. Allworth. New York: Praeger Publishers, 1973.
9. Karlins R. Ethnic Relations in the USSR — The Perspective from Below. Boston: Unwin Hyman, 1986.
10. Pipes M. The Nationalities // The New Leader, № 5, April 1958.
11. Rakowska T. Chickens Coming Home to Roost — A perspective on Soviet Ethnic Relations // Journal of International Affairs. 1992, №. 45(2).

12. Kaiser M. Migration als Ergebnis ethnischer Konflikte. Nationenbildung, Ethnizität und Konflikt in Zentralasien. Diplomarbeit. Berlin, 1994.
13. Dorenwendt T. Mit Marx und Mohammed — Realsozialistische und traditionale Vergesellschaftung in Usbekistan, Diplomarbeit, Hamburg, 1994.
14. Tishkov V. Don't Kill Me, I'm a Kyrgyz: An Anthropological Analysis of Violence in the Osh Ethnic Conflict // *Journal of Peace Research*. 1995, Vol. 32 (2).
15. Dawisha K., Parrot B. Russia and the New States of Eurasia, The Politics of Upheaval, Cambridge University Press, 1994.
16. Kaiser M. Inter-Ethnic Relations in Uzbekistan/ Central Asia. Paper presented at the International Seminar "Central Asian Geopolitics — Tendencies and Transformation". Panjab University, Chandigarh, Indien, 3-10.12.1995.
17. Kaiser M. Ethnic Profile, Conflict, and Conflict Management in Uzbekistan/ Central Asia. Paper presented at the conference "Ethnic Conflict, Management and Resolution. International Experience and Lessons: South and Southeast Asia and Central Europe". Colombo, Sri Lanka, 27-29.03.1995.
18. FBIS-SOV, 7 сентября 1995 года.
19. Thubron C. The Lost Heart of Asia. London: Penguin Books, 1995.
20. FBIS-SOV, 31 июля 1995 года.
21. Lubin N. Labour and Nationality in Soviet Central Asia — An uneasy Compromise. London: Macmillian, 1984.
22. Rywkin M. Cadre Competition in Uzbekistan, *Ethnic Aspects // Central Asian Survey*. 1986, Vol. 5.
23. FBIS-SOV, 29 июня 1995 года.
24. Bremmer I., Welt C. Kazakh Quandary // *Journal of Democracy*. 1995, Vol. 6 (3).
25. Московские новости. № 20, май, 20-26, 1994.
26. FBIS – SOV, 5 сентября 1995 года.
27. Current Digest of Post-Soviet Press. 1993, Vol. XLV (3).
28. Macartney C. National States and National Minorities. London: OUP, 1934.
29. Anderson B. Die Erfindung der Nation — Zur Karriere eines folgenreichen Konzeptes. Frankfurt/ New York, 1988.
30. Brubaker R. National Minorities Nationalising States and External National Homelands in the New Europe // *Daedalus*. 1993, Vol. 124 (2).
31. Gharabaghi K. Development Strategies for Central Asia in the 1990s: In Search of Alternatives // *Third World Quarterly*. 1994, №. 15 (1).
32. Batalden S. K., Batalden S. L. The Newly Independent States of Eurasia // *Handbook of Former Soviet Republics*. Arizona: The Oryx Press, 1993.
33. Amir Timur. Seine zeitgeschichtliche Beurteilung, seine Bedeutung für Usbekistan auf dem Wege der nationalen Selbstfindung/ Hrsg. Nassyrow N., Schreiber W. Taschkent, 1996.
34. FBIS - SOV, 19 апреля 1995 года.
35. Cuthbertson I. The New Great Game // *World Policy Journal*. 1994, Vol. 2 (4).
36. Karimov I. Uzbekistan — The Road of Independence and Progress. Tashkent, 1993.
37. FBIS – SOV, 7 марта 1995 года.
38. Drobizheva L. Russian Ethnic Attitudes in Changing Political Situation // *Economic and Political Weekly*. Special Number, 1995, December 18.
39. Dunlop J. Russian's Loss of Empire, 1987–1991 // *Political Science Quarterly*. 1993, Vol. 108 (4).
40. FBIS – SOV, 20 апреля 1995 года.
41. Selebyerstova A. Deti Russkikh Starozhilov v Uzbekistane // *Vostok*. 1994, №. 2

42. Hanks R. The Islamic Factor in Nationalism and Nation-Building in Uzbekistan: Causative Agent or Inhibitor? // Nationalities Paper. 1994, Vol. 22 (2).
43. Towards a transnational perspective on migration: Race, class, ethnicity, and nationalism reconsidered. Ed. by Glick Schiller N., Basch L., Blanc-Szanton C. New York: New York Academy of Sciences, 1992.
44. Glick Schiller N. From immigrant to transmigrant: Theorizing Transnational Migration // Anthropological Quarterly. 1995, Vol. 68.
45. Valkanier E. Russian Policies in Central Asia: Change or Continuity // SAIS Review. 1994, Vol. 14 (2).
46. Kozyrev offers brief for Yeltsin's foreign policy // Current Digest of Post-Soviet Press. 1994, Vol. XLVI (6).
47. Foreign Minister Andrei Kozyrev during a brief visit to Kyrgyzstan // SWB – SU, 27 января 1994 года.
48. FBIS – SOV, 17 февраля 1995 года.
49. SWB – SU, 30 марта 1994 года.
50. SWB – SU, 17 февраля 1994 года.
51. New Times, №8, февраль 1993 года.
52. FBIS – SOV, 2 мая 1995 года.
53. "Московские новости", № 5, февраль 1994 года.

Дополнительная литература

- Ajubsod S. Die ferne Fremde ist besser als die nahe. Die Tadschiken gehen immer weiter aus Asien heraus, dabei von der Rückkehr träumend // Njesawissimaja gasjeta, Moskau, vom: 27. Mai 1993.
- The Nationality Question in Soviet Central Asia / Ed. by E. Allworth. New York: Praeger Publishers, 1973.
- Fishlock T. Out of Red Darkness — Report's from the Collapsing Soviet Empire. London: John Murray Publishers, 1992.
- Hajda L. The Nationalities Problem in the Soviet Union // Current History. October 1988.
- Hyman A. Power and Politics in Central Asia's New Republics // Conflict Studies. 1994, 273.
- Kaiser M. Informal Sector Trade in Uzbekistan. Working Paper № 281. FSP Entwicklungssoziologie. Universitaet Bielefeld, 1997.
- Kaiser M. Usbekische Kleinhaendler im Transformationsprozess. Working Paper №. 277. FSP Entwicklungssoziologie. University Bielefeld, 1997.
- Karlins R. Ethnic Relations in the USSR — The Perspective from Below. Boston: Unwin Hyman, 1986.
- Konstitutsia Respubliki Uzbekistana Article 4.
- Pipes M. The Nationalities // The New Leader. 1958, № 5.
- Rotar I. Die tadschikischen Flüchtlinge in Russland und der Ukraine. Wie real ist die Rückkehr? // Njesawissimaja gasjeta, Moskau, 7. April 1993.
- Rotar I. Die anderen Russen. Die Tragödie der mittelasiatischen Emigranten // Njesawissimaja gasjeta, Moskau, 2. Juni 1993.